

Образ халата в романе И.А. Гончарова «Обломов»

Г.Н. Немцева

Автор: Немцева Галина Николаевна, учитель русского языка и литературы Православной гимназии г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 10.

Тема: Символические образы произведения И.А. Гончарова «Обломов».

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Общий.

Текст задачи: Образ халата в литературе, созданной до И.А. Гончарова, стал традиционным. О нём писал поэт XIX века А. Вяземский:

Жизнь наша в старости —
изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль
оставить;
Мы с ним давно сжились,
давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново
исправить...

Н.Я. Языков:

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!

Проследив по тексту, когда появляется на страницах романа И.А. Гончарова «Обломов» упоминание о халате, ответьте на вопрос: как возникновение этого образа даёт нам понять, что происходит с главным героем? Можно ли назвать этот образ символическим?

а) *Выделите ключевые слова для информационного поиска.*

б) *Найдите и соберите необходимую информацию.*

в) *Обсудите и проанализируйте собранную информацию.*

г) *Сделайте выводы.*

д) *Сравните ваши выводы с культурным образцом.*

Возможные информационные источники

Книги:

Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1977–1980.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Виноградов И.А. Борьба за стиль. Л., 1937.

Ганелин Л. От созерцателей к мыслителям, или Размышления о феноменах развития общества и человека // Свет: Природа и человек. 2002. № 7.

Головкин В.М. Источники литературного произведения и проблемы литературоведческого комментария // Источники литературного произ-

ведения: Пособие для учителя. Ставрополь, 1995.

Даль В.И. Толковый словарь живого великого языка: В 4 т. М., 1956.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Медведев П.Н. (Бахтин М.М.). Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.

Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.

Свербеев Д.Н. Записки: В 2 т. М., 1899.

Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. [Библиотека поэта].

Web-сайты:

http://www.goncharov.spb.ru/pruzkov_oblhttp

<http://nvgolovko.newmail.ru/materials/dressinggown.htm>

<http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=273>

<http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=244>

<http://ru.wikisource.org/wiki/>

Культурный образец

Головко Н.В. Стихотворение *Николая Языкова «К халату» как источник романа И.А. Гончарова «Обломов» (источниковедческая гипотеза).* <http://nvgolovko.newmail.ru/materials/dressinggown.htm>

Первооснова литературного произведения может являться и выражаться в виде реальных (явления действительности), опосредованных (рассказы очевидцев, воспоминания, дневники, письма, исповеди, мемуары, документы и т.д.) и культурологических источников. Последнюю группу составляют фольклорные, литера-

турные, культурно-художественные, философские и т.д. источники текста. Следует согласиться с М.М. Бахтиным, утверждавшим, что «великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания». К группе культурологических (литературных) относится одна из образных первооснов романа И.А. Гончарова «Обломов» — обломовский халат.

Халат, возможно, является одной из основных характеристик «обломовщины» вообще и Обломова в частности. Это сквозной образ-символ романа, это не частная подробность описаний и характеристик, а художественная деталь, становящаяся центром композиции образа. Как и упомянутая выше «обломовщина», обломовский халат стал нарицательным понятием, употребляющимся для обозначения личностного понятия «обломовщины», генетически связанном с ней. Однако в отличие от «обломовщины», которая стала особой творческой находкой Гончарова, образ халата, ставший символом характера Обломова, имеет свой собственный первоисточник. Если функциональная роль образа обломовского халата (типизирующая, характерологическая и т.д.) в критике и в научной литературе рассматривалась многократно (вспомним статью А.В. Дружинина об «Обломове», в которой он восхищался поистине фламандской расточительностью деталей в этом произведении), то на его литературный источник до сих пор никто не обратил внимания.

Выскажем гипотетическое предположение, что таковым источником

является стихотворение крупного поэта пушкинского круга — Н.М. Языкова «К халату» (1823). Здесь можно увидеть почти прямую аналогию с теми характеристиками, которые легли в основу образа Обломова. Культурологические источники «предстают как уже обработанный материал в соответствии с законами художественного познания», они заключают в себе тот смысл, который «созидает» художественное целое (первоисточник). Один текст внедряется в другой, привнося свою специфику эстетического завершения, создавая соотношения текста и контекста. Тип «завершения» лирического стихотворения «осложнил» поэтику эпического романа, сообщив образу халата функции символа.

Обломовский халат — это символ-эквивалент духовного состояния героя. Это тот «бесконечный знак», который создаётся взаимосвязями текста и контекста и может иметь бесконечное количество значений. Символ — предмет и средство изображения одновременно, это единство значения и образа. Обломовский халат — компонент образа-символа Обломова, его генетический «код». В этом смысле образ-символ халата «конечен и бесконечен» одновременно.

Литературный источник романа Гончарова очень важен для анализа произведения: он показывает, в результате каких творческих импульсов складывается и формируется образ главного героя — символ целого уклада жизни («всероссийского застоя»), целой «эпохи развития», «коренных воззрений на жизнь», которые автор определяет понятием «Сон». В первой части стихотворения

Языкова в нравственных позициях лирического героя отчётливо проглядывает обломовский характер: «Как я люблю тебя, халат! / Одежда праздности и лени, / Товарищ тайных наслаждений / И поэтических отрад!..<...> / Я волен телом, как душой ...».

Этот «гедонистический» мотив оживает в описаниях первой главы романа Гончарова: «Халат имел в глазах Обломова тьму неоценённых достоинств: он мягок, гибок, тело не чувствует его на себе; он как послушный раб, покоряется самому малейшему движению тела». «Праздность и лень» — «нормальное состояние» Обломова, но это, как и в стихотворении Языкова, лишь одна, видимая ипостась героя. Анализ роли источника позволяет увидеть и другие качества и стороны характера Обломова, а вместе с тем «помогает понять замысел писателя, трактовку поставленных им проблем».

В стихотворении Языкова для образа переживания существенна внутренняя оппозиция: халат (по В.И. Далю — комнатная, домашняя широкая одежда восточного покроя) в эмоционально-оценочном авторском освещении противопоставлен одежде европейского типа: «Пускай служителям Ароя / Мила их тесная ливрея...».

Внутренний контраст мира (дома) и войны (ливрея служителей Ароя) усилен этнокультурными ассоциациями, создаваемыми вещными артефактами (халат / ливрея): вещь становится средоточием явлений культурной (бытовая культура, взаимодействие индивида и бытовой культуры) и философской антропологии (миропонимание). Оппозиция

Восток — Запад вписывается в контекст культурной этнопсихологии и ментальности: Восток — внутреннее центробежное, растворённое (утончённое), созерцательное и т.д., Запад — внешнее, центростремительное, уплотнённое, мыслительное и т.д.

Эти ассоциативные смыслы входят в духовно-нравственное пространство Обломова: «На нём был халат из персидской материи, настоящий *восточный* халат, без малейшего намёка на *Европу*... Как шёл домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу». Халат становится не только символом (предельно обобщённым, совмещающим «конечное» и «бесконечное», но и концептом (тропом, фиксирующим через отдельное (халат) общее («обломовщина»)).

В литературном источнике образа обломовского халата как в генезисе содержится то смысловое противопоставление, которое найдёт объективацию в амбивалентности «внешнего» и «внутреннего» Обломова. В стихотворении Языкова «одежда праздности и лени» становится в то же время эквивалентом подлинности бытия лирического героя, противопоставляющего своё существование «шуму слепого света», «заразам века»: «Я волен телом, как душой, / От века нашего заразы, / От жизни бранной и пустой / Я исцелён — и мир со мной!». В системе ценностей «возвышенная душа», «восторг дум» оказываются привлекательнее «проказов и приказов царей», «кинжалов Занда и Лувеля», «славы-пустомели» «современных Геростратов» и т.д.: «И дни мои, как я в халате, / Стократ пленительнее дней / Царя, живущего некстати».

Стихотворение «К халату» гораздо меньше связано с апологией анахоретства К. Батюшкова и гораздо больше — с художественно-философской антропологией романа Гончарова, поскольку является его своего рода прологом. «Авторский халат» «мыслящего студента» в стихотворении Языкова превращается в метафору внутреннего, интеллектуального действия, работы ума и души «гения». Такое преобразование находим и в романе Гончарова: праздность и лень Обломова при сопоставлении с «деятельностью» Штольца вдруг приобретают прямо противоположный оценочный знак.

Обломов является носителем той «философии человека», которая близка идеалу гармонической, «целостной» личности. «Поэма любви» в романе, о которой писал сам А.И. Гончаров в автокомментариях к романам («Лучше поздно, чем никогда», «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»» и др.), предоставила возможность показать органическую, глубокую связь природы Обломова с «коренными», нравственными, неизменными основами жизни, синтезирующими русские, национальные формы духовности, человечности, ментальности. Православная культура с повышенной ролью её нравственной составляющей определила содержание идеала личности («целости человека»), в свете которого освещаются все коллизии и проблемы романа, то есть коллизии и проблемы прошлого, настоящего и будущего России.

Гончаров в «романе-монографии» показал беду человека, вследствие внешних, объективных причин впавшего в глубокую апатию, но осо-

знающего эту трагедию и анализирующего её с точки зрения идеала человека. Идея гармоничного развития личности является в романе масштабом, критерием оценки всего изображаемого. Философская кульминация романа — это та трактовка природы человека, которая раскрывается в диалоге Обломова и Штольца (IV глава второй части). «Жизнь», «света, общества», в которой так одиноко и неуютно Обломову, представляется Штольцу едва ли не подлинно человеческим существованием. «Жизнь, хороша жизнь! Чего там искать? Интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: его нет, нет ничего глубокого, задевающего за живое»... На такие инвективы Обломова, восходящие к источнику — стихотворению Языкова, Штольцу нечего ответить. Центр — это человек, «целость человека»: «Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» На эти вопросы Илья Ильич ответить не может, но и не участвует в «подобии жизни».

Проблема «целости человека», развиваемая Гончаровым, была поставлена философами и литераторами раннего русского славянофильства. Потому вовсе не случайна в подтексте романа оппозиция Восток — Европа, которая обозначилась в художественной детали, символе-эквиваленте — «обломовском халате». Не случайно и то, что автор стихотворения «К халату» в конце 1820-х годов тесно сблизился с кругом славянофилов Киреевских и под конец жизни стал адептом «русской идеи».

Текст Языкова, привнеся в текст Гончарова свой смысл и свои законы

структурообразования, обеспечил ещё одно важное качество символа-эквивалента — обломовского халата — его центральное место в композиции образа. Халат является внешним эквивалентом внутренних изменений героя. Любовь к Ольге пробудила спящие силы Обломова, и он забыл о халате, как будто у него «никакого и не было»: стиливая доминанта «одухотворения быта» в «поэме любви» (II, III части) не допускала явного обывательства героя. И только тогда, когда сам Обломов окончательно понял, что его «сгубило зло», имя которому «обломовщина», халат снова появился: его «вымыли и починили». Этот образ вещи становится уже, по сути, центром композиции сюжета.

Но «вещь» становится центром композиции, как правило, в новелле. «Многофункциональность» детали — это тоже свойство поэтики новеллы. Новеллизм — характерная особенность повествования в «Обломове», сообщающая эпическому течению сюжета внутреннюю остроту, обеспечивающая единство исключительности и заурядности героя, утончённого, созерцательного человека, отстранённого от жизни, но болеющего душой за «пустую перетасовку дней» живых «мертвецов», человека сосредоточенного на себе и одновременно лишённого эгоцентризма (в нравственно-философском плане).

Итак, вполне возможно, что халат — ключ к пониманию образа Обломова, появился именно из строк Н. Языкова. Хотя стихотворение «К халату» впервые было опубликовано в «Полярной звезде» Герцена (1859, № 5), но оно было известно в нескольких списках, и вполне возможно,

что Гончаров знал его. В пользу этого утверждения говорит не только типологический анализ, но и следующие факты.

Во-первых, автор «Обломова», будучи земляком Н.М. Языкова, был, скорее всего, знаком с этой симбирской семьёй, хотя этот факт нигде не зафиксирован. Во-вторых, как уже было сказано, стихотворение «К халату» написано в 1823 году, «Обломов» был начат в 1846. Подобный временной разрыв не может быть основанием для отрицания влияния Языкова на Гончарова, но служит неоспоримым доказательством возможности этого влияния. Скорее всего, Языков и юный И.А. Гончаров встречались в 1829-1831 гг. в Москве, куда из Дерпта приехал поэт. Вполне возможно, что Н.М. Языков читал это стихотворение в присутствии будущего автора «Обломова».

Гипотеза подтверждается тем, что халат — символ лени и духовной независимости одновременно имеет одно и то же значение как у Гончарова, так и у Языкова. Налицо общность двух произведений. Можно даже предположить, что Н.М. Языков и два его старших брата — А.М. и П.М. Языковы были в числе тех прототипов, которых имел в виду Гончаров, создавая образ Обломова. Как вспоминает родственник и приятель братьев Языковых — Д.Н. Свербеев, в 1823 г. (в год написания стихотворения «К халату») они в Петербурге «проживали», а вернее сказать, «пролёживали свои дни» на трёх диванах (совсем, как Илья Ильич Обломов!). Объяснялось это «языковской ленью и апатией».

Как и Обломов, старшие братья Языкова были людьми незаурядны-

ми, образованными и мыслящими, но не реализовавшими до конца своих способностей и возможностей. Обладая талантом и нравственным чувством, они не могли найти себе дело в условиях той жизни, от которой откасался герой Гончарова: «Что это за жизнь? Я не хочу её. Чему я там научусь, что извлеку?... Свет, общество!... Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя?».

Таким образом, мы вправе предположить, что стихотворение «К халату» — первоисточник «темы халата» в романе И.А. Гончарова «Обломов» и, соответственно, отчасти самого романа. Это позволяет назвать произведение Языкова одной из первооснов романа «Обломов». Отсюда следует утверждение, что стихотворение Языкова «К халату» могло повлиять на процесс создания романа Гончарова «Обломов», определило функциональную роль важнейшей художественной детали в структуре романа и в известной степени творческую концепцию всего произведения.

Пруцков Н. И. Романы Гончарова. «Обломов» // История русского романа: В 2 т. Т. 1. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 536-559.

Пруцков Н.И. Обломов // http://www.goncharov.spb.ru/pruzkov_obl <http://www.goncharov.spb.ru/pruzko>

Гончарова следовало бы назвать писателем с исключительной плотностью повествования. У него каждая деталь предельно насыщена содержанием. Опорными точками в освещении истории борьбы Обломова с самим собою и истории борьбы за Обломова, в изображении его сомне-

ний и беспокойств художнику служат вещи, которые были бы малозначительны для иного уклада жизни, но характерны для жизненного обихода Ильи Ильича. Порой герой терялся в приливе житейских забот, лежал, ворочаясь с боку на бок (постоянно отмечаемый художником признак волнений Обломова), временами слышались его отрывистые восклицания: «Ах, боже мой! Трогает жизнь, везде достаёт». И как бы желая спрятаться от неё, забыться, Обломов «кутался в халат» или «завёртывался в одеяло совсем с головой».

Но вот вновь пробуждалась мысль, наступала минута самокритики, и Обломов «высвобождал голову из-под одеяла». Такую же роль для характеристики внутреннего состояния Обломова и переходов его от самодовольного спокойствия к осознанию своего ничтожества, бессилия перед жизнью играют сравнения себя с «другими» (не господами). Сначала они полны собственного достоинства, а затем из этих же сравнений герой делает унижительные для себя выводы.

До приезда Штольца вспышки критического самосознания Обломова, изображённые в первой части романа, кончались ничем, его волнения не нарушали крепко установившегося обломовского порядка жизни. И это привычное состояние героя автор воплощает с помощью бытовых детали, с юмором освещающей сущность всего облика Ильи Ильича. «Туфли на нём были длинные, мягкие и широкие; когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол, то непременно попадал в них сразу».

Первая часть романа завершается приездом Штольца. Во второй ча-

сти романа, в отличие от первой, уже развёртывается определённая ситуация, когда между сталкивающимися характерами обнаруживаются противоречия, но эти противоречия ещё не осознаны самими действующими лицами. Штольц делает энергичную попытку пробудить в своём друге стремление к новой жизни. Это вносит смятение в самосознание Обломова, нарушает его обычные отношения с вещами. Та же самая деталь с надеванием туфель комически оттеняет пробуждение самосознания Обломова: «Теперь или никогда! Быть или не быть!» — по-гамлетовски рассуждает он. Илья Ильич «приподнялся было с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять».

Ещё большую, почти символическую роль приобретает в концепции всего романа восточный, «без малейшего намёка на Европу» халат Обломова. Халат имел в его глазах «тмью неоценённых достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самому малейшему движению тела». В отношении Обломова к халату как бы художественно концентрируются два состояния героя и два периода в его жизни: страх перед действительностью, беспокойство за свою судьбу и безмятежное состояние; сон и пробуждение. Приезд Штольца, сближение Ильи Ильича с Ольгой изменяют весь жизненный его обиход. Обломов начинает возмущаться неопрятностью и глупостью Захара, паутиной и пылью в своей комнате, перед ним встаёт вопрос о необходимости «идти вперёд». «Это значит, — в его представлении, — вдруг сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души, с ума; вместе с пылью и пау-

тиной со стен смести паутину с глаз и прозреть!».

И в дальнейшем ходе повествования, на каждом новом поворотном моменте в истории Обломова романист неизменно снова говорит о халате, об отношении к нему Ильи Ильича. Халат кажется Обломову противным, он забыт героем в момент, когда расцветала его любовь к Ольге. Но в сознании Ольги образ халата жил как символ того прошлого, из которого она решила вырвать Обломова, поборов власть этого прошлого своей любовью. Поэтому она то шуточно, то с тревогой за свою любовь напоминает Обломову о халате, о его магической власти, перед которой может оказаться бессильной её любовь.

В третьей части романа наступает коллизия. Обломов и Ольга начинают осознавать возникающие между ними и всё более обостряющиеся противоречия. Поэма любви омрачается требованиями жизни, долгом, обязанностями, предъявляемыми настойчивой и принципиальной Ольгой. Неопределённое положение в любви Ольги Ильинской и Обломова («поэма остановилась») затянулось из-за нерешительности героя, из-за его неспособности решать практические вопросы. Он уже начинает тяготиться беспокойством, волнениями и тревогами любви.

В третьей части романа нарастает внутреннее раздвоение Обломова. Его любовь к Ольге продолжается, но он инстинктивно тянется к Агафье Матвеевне, входит в её обломовский быт, видит в нём для себя что-то родное, успокаивающее. Здесь он мечтательно вспоминает о своей Обломке, восхищается хозяйскими об-

ломовскими пирогами и т.п. У Ольги же появляются первые признаки разочарования, сомнений и тоски. Она уныло провожает Илью, садится за фортепьяно, погружается в звуки. «Сердце у ней о чём-то плакало, плакали и звуки». И в эту минуту вновь появляется как бы мимолётно и невзначай образ халата.

Романист сообщает, что на другой день (после печального объяснения с Ольгой) Обломов встал и надел свой сюртук, а не халат, с которым хозяин «простился давно». Но это неожиданное упоминание о халате воскрешает прошлое Обломова и предсказывает историю его дальнейших отношений с Ольгой, всю его позднейшую судьбу. Продолжается добровольное погружение Обломова в быт Агафьи Матвеевны. Образ её в чувствованиях Ильи Ильича как бы смешивается с образом Ольги. С блестящим комическим искусством романист показывает притягательную для Обломова силу обнажённых рук хозяйки. Возникающая чувственная любовь к ней начинает соперничать с поэтической любовью к Ольге. И в этот момент заката поэзии любви с каким-то зловещим предзнаменованием опять мелькает образ халата. Хозяйка сообщает Обломову, что она «халат... достала из чулана», собирает его «починить и вымыть».

Третья часть романа завершается решительным объяснением с Ольгой, разрывом с нею. Обломов «бог знает, где... бродил, что делал целый день, но домой вернулся поздно ночью. Хозяйка первая услышала стук в ворота и лай собаки и растолкала от сна Анисью и Захара, сказав, что бачин воротился.

«Илья Ильич почти не заметил, как Захар раздел его, стащил сапоги и накинул на него — халат!

— Что это? — спросил он только, поглядев на халат.

— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халат, — сказал Захар.

«Обломов как сел, так и остался в кресле».

В заключительной, четвёртой части романа наступил момент решения возникшего между героями противоречия. Илья Ильич выработал философию обломовского Платона и ею осветил свой идеал жизни, обретённый им в доме Агафьи Матвеевны. Последняя стала живым воплощением этого идеала, т.е. покоя. И образ истасканного халата ещё раз промелькнул, чтобы подчеркнуть обречённость Обломова, показать, как глубоко и бесповоротно опустился он в своей жизни на Выборгской стороне.

Выбор подобных «опорных точек» (халат, туфли, одеяло, разные

чулки и пр.) в повествовании об Обломове в высшей степени поэтичен, поразителен с точки зрения верности художника изображаемому предмету. В то же время выбор этих опорных точек выявляет авторскую оценку процесса борьбы Обломова с самим собою. Не что-либо более значительное, а именно туфли и халат, разное отношение к ним героя характеризуют его внутренние борения, борьбу за освобождение от обломовщины, историю его падения в этой борьбе. В этом проявляется высокий поэтический комизм, присущий изображению Обломова.

Методический комментарий

Задача о роли образа халата в произведении И.А. Гончарова «Обломов» поможет учащимся понять тему «Роль художественной детали в художественном произведении», осознать аллегорический смысл этого символического образа в данном художественном произведении.